

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.2-3 + Ш103
DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39

Елена Мухамедовна Хакимова,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(454078, Россия, г. Челябинск, ул. Дзержинского, 104),
e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Текстовая норма как ортологический тип

В статье представлены результаты изучения текстовой нормы, под которой понимается ортологический тип, регламентирующий употребление языковых средств с целью обеспечения связности, цельности, структурированности речевого произведения. Значимость текстовой нормы обусловлена тем, что её требования предъявляются к произведениям, имеющим различную функционально-стилистическую направленность – публицистическую, официально-деловую, научную и т. д. Необходимость овладения текстовым ортотипом учитывается отечественной лингводидактикой при решении проблемы формирования навыков нормативной связной речи. Автор доказывает тезис о том, что текстовая норма выполняет следующие функции: 1) устанавливает обязательное соответствие содержания текста его заголовку, эксплицируя таким образом глубинную структуру высказывания; 2) регламентирует соединение текстовых элементов на базе грамматического и лексико-семантического принципов; 3) обеспечивает корректное выделение промежуточных единиц в результате контекстно-вариативного и объёмно-прагматического членения текста, определяя комбинаторику субтекстов. Предметом осмысления в статье являются также смежные лингводонтические феномены, например, рекомендации по использованию ассоциативного присоединения в медиадискурсе и художественном творчестве. Нормы данного типа имеют экстралингвистическую природу, выступая в качестве детерминант бытия эстетически организованных объектов.

Ключевые слова: культура речи, ортология, языковая норма, текст, текстовая норма

Elena M. Khakimova,
Doctor of Philology, Associate Professor,
South Ural State University
(National Research University)
(104 Dzerzhinskogo st., Chelyabinsk, 454078, Russia),
e-mail: khakimova-elena@yandex.ru

Textual Norm as an Orthological Type

The aim of this article is to present the results of the textual norm study. Textual norms of an orthological type regulate the usage of language means in order to provide coherence, integrity and structure of speech product. Textual norms are realized in different functional styles – journalistic, official, scientific, etc. Russian tradition of didactics uses the concept of textual norms to develop skills of accurate coherent speech. We suggest that the textual norms perform the following functions: 1) establish the obligatory correspondence between the title of the text and its contents, expressing the inner structure of the utterance; 2) regulate the connection of textual elements on the basis of grammatical and lexical-semantic principles; 3) provide accurate contextual and pragmatic division of texts and regulate combinatorics of subtexts. Special attention is paid to some related phenomena, e. g. the recommendations for using associative connection in media discourse and fiction. Such norms are extra linguistic and determine the existence of aesthetic speech.

Keywords: speech culture, orthology, language norm, text, textual norm

В современных работах по вопросам культуры русской речи одну из ключевых позиций занимает проблема типологии языковых норм. Значимо, что выявленным ортологическим типам в рамках отечественной

ортологической традиции уделяется неадекватное внимание. Наиболее изученными на сегодняшний день являются морфологические, синтаксические и орфоэпические нормы, а также правила русской орфографии и

пунктуации. Лексические, фразеологические, словообразовательные, акцентные, интонационные нормы в ряде случаев становятся предметом исследования, но к числу общепризнанных ортологических типов не относятся. То же самое можно сказать о текстовых нормах, которые в качестве таксона ортологической классификации стали выделяться относительно недавно. В частности, в сосюрровской парадигме максимальной языковой единицей признавалось предложение, тогда как текст соотносился не с языком, а с речью.

Модификация данного положения представлена в работах И. Р. Гальперина, предложившего рассматривать текст в качестве уровня речи, признавая при этом системность последней. Для ортологии имеет важное значение тот факт, что И. Р. Гальперин делил тексты на правильные и неправильные, называя правильными такие образования, в которых соблюдаются следующие условия: «соответствие содержания текста его названию (заголовку), литературная обработанность, характерная для данного функционального стиля, наличие сверхфразовых единиц, объединённых разными, в основном логическими типами связи, наличие целенаправленности и прагматической установки» [3, с. 24–25]. Проанализировав приведённое определение, нетрудно заметить, что в нём: 1) понятие правильности текста не опирается на понятие текстовой нормы; 2) структурные критерии правильности текста недостаточно чётко отграничиваются от прагматических, потому что текст не выводится за пределы речи, которая, как известно, непосредственно связана с прагматикой. Таким образом, решение И. Р. Гальперина относительно соотношения понятий «язык», «речь», «текст» имеет компромиссный характер.

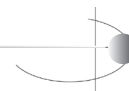
Пересмотру классической доктрины, в рамках которой язык противопоставляется речи, то есть тексту в широком смысле слова, посвящены работы членов Пражского лингвистического кружка [10], Л. Н. Мурзина [14], Г. А. Золотовой [8]. Указанные исследователи полагали, что жёсткость структуралистской оппозиции «язык – речь» непродуктивна, поскольку языковая система выстраивается по результатам анализа конкретных текстов, а текст является конкретной реализацией языковой системы. Такое решение имеет принципиальное значение для ортологии, позволяя теоретически обосновать то, что интуитивно ощущается всеми носителями языка: кроме норм произношения, словоупотребления, грамматики и т. п., существуют языковые

«правила плетения словес», или текстовые нормы.

В лингвистической литературе представлены различные подходы к определению данной многоаспектной ортологической категории. Так, в статье Б. С. Швацкопфа указывается, что текстовые нормы – «закономерности реализации семантико-информационной структуры и правил развёртывания типа текста как особого лингвосемиотического феномена» [22, с. 271–272]. Выявленный и отражённый в данном определении феномен действительно имеет самое непосредственное отношение к нормативистике. Однако нам представляется спорной его квалификация: так как описываемые Б. С. Шварцкопфом нормы соотносятся с типами текста, которые в некоторых лингвистических работах [21] рассматриваются как речевые жанры, возможно, имеет смысл называть их жанровыми. Текстовые же нормы, по нашему мнению, связаны не с конкретными жанрами, их реализация осуществляется в ином, более обширном языковом и речевом пространстве.

Вместе с тем для нас неприемлема и та предельно широкая трактовка текстовой нормы, которая предложена Е. Е. Шпаковской [23]. Она считает, что текстовые нормы – это правила структурирования совокупности языковых средств и неязыковых элементов, определяющие соответствие текста речевой ситуации и призванные обеспечить максимальный эффект общения. Приведённая дефиниция свидетельствует о том, что в содержании понятия Е. Е. Шпаковской выделяются два элемента – собственно языковой и коммуникативный. Такое решение обусловлено общесемиотической интерпретацией текста как совокупности вербальных и невербальных знаков, обеспечивающих различные формы коммуникации.

Нам представляется, что рамки структурно-функционального подхода к языковой норме вообще и текстовой норме в частности обязывают исследователя придерживаться более традиционного определения, согласно которому текст – последовательность словесных знаков, характеризующаяся связностью, цельностью, структурированностью [11, с. 507]. Мы полагаем, что текстовыми можно признать нормы, которые регламентируют употребление языковых средств, поддерживающих существование указанных конститутивных характеристик. Учитывая это, попытаемся определить функции рассматриваемого ортологического типа.

1. Текстовая норма требует обязательного соответствия содержания текста его заголовку. Данная функция детерминирована законом порождающей семантики, в соответствии с которым отношения между названием текста и его основным корпусом определяются глубинной структурой произведения. В. Н. Мещеряков [15] отмечает, что специфика указанной взаимосвязи получает отражение в классификации названий, обуславливая их дифференциацию на заголовки-темы («Евгений Онегин»), заголовки-ремы («Живи и помни»), заголовки-ассоциации («Грамматика любви») с последующим выделением внутри каждого типа множества семантических разновидностей.

Предписание соответствия заголовка содержанию текста следует признать универсальным; оно значимо для всех текстов независимо от сферы их существования. Спорным нам представляется утверждение И. Р. Гальперина о том, что заголовок должен предпосылаться каждому письменному тексту в обязательном порядке. Речь, по сути, здесь идёт о том, что сам факт существования заголовка является нормативно обусловленным. Однако, поскольку наименование выполняет ограничительную функцию, отказ от него может стать правомерным, если авторская интенция состоит в том, чтобы, как пишет Ю. М. Лотман [12], стереть грань, разделяющую текст и не-текст. Истинность данного тезиса подтверждается многими классическими образцами русской лирики:

Душный сумрак кроет ложе,
Напряжёнno дышит грудь,
Может, мне всего дороже
Тонкий крест и тайный путь [27, с. 73].

2. Текстовая норма регламентирует соединение текстовых элементов. Исследования в этой области имеют глубокую языковедческую традицию, восходящую ещё к античной риторике. В ходе изучения категории связности выяснилось, что последняя может строиться на базе разных принципов: а) грамматического, б) лексико-семантического, в) ассоциативного.

Грамматический принцип предполагает использование в качестве средства связи союзов, местоимений, наречий, видо-временных и модальных форм глаголов, выражающих, прежде всего, временные и каузальные отношения. Указанные языковые средства выполняют связочную функцию и в пределах предложения. Их выявлению и изучению уделяла серьёзное внимание русская синтаксическая школа, успешно использовавшая ре-

зультаты и методы внутрифразового синтаксиса в области лингвистики текста.

Лексико-семантический принцип проявляется в том, что функцию скреп, объединяющих ряд предложений в целое, выполняют знаменательные слова. Лексико-семантическая связность соотносится с явлением рекуррентности – отсылки к тексту «слева» с целью установления идентичности денотата. Способ выражения рекуррентности может быть имплицитным или эксплицитным. Под имплицитной рекуррентностью понимается употребление нулевого знака, то есть контекстуальная неполнота. Средствами эксплицитной рекуррентности являются лексические повторы, синонимы, слова одной тематической группы, достаточно подробно описанные в ряде лингвистических работ [16; 19].

Для ортологии значимо, что в нормативном тексте повторяемость касается, прежде всего, семантики и не всегда проявляется как дублирование лексем: «*Талантливой молодёжью*» на этот раз оказался актёр Нового художественного театра Павел Мохнаткин. Что называется, с корабля на бал – артист прибежал на сцену за наградой, едва успев переодеться. Дело в том, что он с коллегами из НХТ участвовал в организации мероприятия [24]. На тавтологию, то есть на немотивированное повторение формы, норма накладывает запрет, обусловленный, по нашему мнению, опасностью возникновения семантической сатиации. Последняя понимается как «полная или частичная утрата словом своего значения в восприятии в результате его многократного повторения» [18, с. 114]. Данные психолингвистических экспериментов свидетельствуют о том, что сатиация разрушает синонимические ряды, вызывает порождение нетипичного семантического поля, изменяет ассоциативные связи. У билингов координативного типа потеря значения слова в одном языке приводит к потере значения его эквивалента в другом. Вот почему требование избегать тавтологии следует в общем считать оправданным. Бывают, однако, случаи, когда это предписание выполнить весьма затруднительно. Так, объективными факторами обусловлено возникновение тавтологии при употреблении научных терминов, поскольку синонимические ряды последних ограничены по определению. Нам представляется, что отмеченные нюансы могут и должны учитываться при проверке письменных работ школьников и выпускников: дублирование терминов здесь нельзя рассматривать как речевую ошибку, особенно тогда, когда автор

использует форму именительного падежа соответствующих лексем, менее подверженную сатиации, чем косвенные формы.

Проблема семантического воспроизводства непосредственно связана с актуальным членением высказываний, входящих в состав текста. Важную конструктивную роль в его организации играет тема, которая, как известно, соотносится с категорией определённости, идентифицирующей объекты речи и скрепляющей текст. Указанная функция обуславливает количественную регламентацию употребления определённых и неопределённых имён. Норма требует, чтобы неопределённых имён в тексте было намного меньше, чем определённых. Игровое нарушение этого требования становится средством создания комического эффекта в пародийном тексте В. Ардова: *Замечено, что ученики портят учебники, каковые выдаются только во временное пользование таковым. Замечено, что таковые марают каковые посредством клякс, каковые уменьшают ценность каковых, не давая возможности следующим группам таковых пользоваться каковыми. Также замечено, что из каковых вырываются страницы таковыми. Впредь если будут замечены таковые, портящие каковые, то из школы будут изыматься вместе с каковыми и таковые* [Цит. по: 2].

Значимость понятия темы для лингвистики текста обусловила появление множества работ, в которых функциональная перспектива высказываний подвергнута тщательному анализу. В частности, Ф. Данешу удалось выявить основные типы тематических последовательностей, под которыми подразумевается взаимная связь и иерархия тем высказывания, а также их отношение к гипертемам текстовых единиц более высокого порядка (таких, как параграф, раздел, глава и т. п.) [5]. Нам представляется, что ортологический модус тематических моделей эксплицируется в сфере современной российской лингводидактики, рекомендующей учитывать особенности актуального членения высказываний в ходе формирования навыков анализа и продуцирования нормативных текстов с цепной и параллельной видами связями [1].

Принцип объединения компонентов текста через ассоциации, возникающие на основании сообщённого, реализуется в высказываниях, лишённых специальных структурных сигналов связности. В отличие от грамматического и лексико-семантического принципов, принцип связи через ассоциации является, на наш взгляд, функционально

ограниченным, поскольку он не представлен в строгих стилях современного русского языка. Ассоциативное присоединение реализуется:

1) в разговорной речи, спонтанность которой вступает в некоторое противоречие с линейностью текстовых связей;

2) в медиадискурсе, если автор намерен придать тексту характер естественного, непринуждённого высказывания;

3) в художественном творчестве, где могут использоваться в соответствующей функции описанные И. Р. Гальпериным образные, звуковые, ритмикообразующие и другие средства.

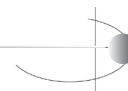
Примечательно, что деонтическая сторона ассоциативной связности отражена в риториках, поэтиках и стилистиках, регламентирующих текстообразование в двух последних функциональных сферах. Однако рекомендации данного типа не могут быть отнесены к текстовым нормам, рассматриваемым в рамках структурно-лингвистического подхода. Регламентируя ассоциативную составляющую эстетически организованных объектов, они имеют другую природу, обуславливающую их существование в качестве детерминант бытия вторичных моделирующих систем.

3. Текстовая норма определяет правила выделения в структуре текста промежуточных единиц – субтекстов. И. Р. Гальперин указывал, что возможны два подхода к решению данной задачи – контекстно-вариативный и объёмно-прагматический.

Контекстно-вариативное членение текста предполагает выделение в произведении коммуникативных блоков, различающихся функциональным потенциалом. Так, в школьной практике при формировании навыков продуцирования текстов учащиеся получают представление о норме, устанавливающей необходимость включения в создаваемое высказывание таких композиционных фрагментов, как зачин, основная часть и заключение. Данное предписание является императивным, поэтому отсутствие в сочинении или изложении какого-либо из указанных блоков квалифицируется как девиация, недопустимая в качественном тексте.

В лингвистической литературе представлены и другие версии контекстно-вариативного членения. Так, Я. М. Колкер [18] предлагает различать: 1) компоненты, несущие основную информацию; 2) блоки с так называемой избыточной информацией, содержащие повторы, цитаты, примеры, а также таблицы, графики, схемы; 3) служебные (связываю-

щие) блоки, представляющие весь предыдущий текст, расчленённый, конкретизированный и уточнённый, как единое целое.

Мы полагаем, что блоки с основной и избыточной информацией, представленной в вербальной форме, можно соотнести с коммуникативными регистрами, описанию которых посвящены исследования Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [8]. В соответствии с тремя признаками: способом восприятия и познания мира (сенсорный/ментальный), характером отражаемой в речи действительности (динамика действия, процесса/статика качества, отношения), коммуникативными интенциями говорящих (сообщение, волеизъявление, реакция на речевую ситуацию) – авторы выделяют репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный регистры.

Значимо, что лингвистическая идея, актуальная для современной теории текста, имеет точки соприкосновения со школьной практикой. По мнению Г. А. Золотовой, репродуктивный и информативный регистры представлены двумя разновидностями – описательной и повествовательной. Что касается рассуждения, включённого лингводидактической традицией в систему функционально-смысловых типов речи [1; 20], то автор оспаривает правомерность такого подхода. В этой связи Г. А. Золотова ссылается на тезис А. А. Потемни о том, что если описание и повествование отражают действительность, то в рассуждении излагается последовательный ряд мыслей, приводящих к известному заключению, то есть рассуждение, в отличие от других типов речи, непосредственно соотносится с ментальным пространством. К тому же оно нередко соединяет мыслительным актом гетерогенные регистровые блоки – репродуктивный и информативный, в отличие от гомогенных повествования и описания.

Добавим от себя, что и в школьной практике анализ описательных и повествовательных текстов, с одной стороны, и фрагментов, содержащих рассуждения, с другой, производится на разных основаниях. В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик [9] предлагают педагогам осуществлять рассмотрение структуры описаний и повествований с учётом функциональной перспективы высказываний, выделяя в их составе известное и новое. Продемонстрируем возможности указанного подхода на примере анализа фрагментов из романов И. Ильфа и Е. Петрова:

Линии руки вдовы Грицацовой [известное] были чисты, мощны и безукоризненны

[новое]. Линия жизни [известное] простиралась так далеко, что конец её заехал в пульс [новое]. <...> Линия ума и искусства [известное] давала право надеяться, что вдова бросит торговлю бакалеей и подарит человечеству непревзойденный шедевр в какой угодно области искусства, науки или обществоведения [новое]. Бугры Венеры у вдовы [известное] походили на маньчжурские сопки и обнаруживали чудесные запасы любви и нежности [новое] [25, с. 58];

... слепой [известное] повернулся фронтом к миллионеру, зацепил его палочкой по ноге и ударил плечом [новое]. После этого они [известное], видимо, обменялись несколькими словами [новое]. Затем Корейко [известное] улыбнулся, взял слепого под руку и помог ему сойти на мостовую [новое]. <...> Паниковский [известное] обнял своего спутника за талию [новое]. Его рука [известное] скользнула по левому боку Корейко и на некую долю секунды задержалась над парусиновым карманом миллионера-конторщика [новое] [26, с. 139–140].

Актуальное членение предложений в составе описаний и повествований не предполагает выхода за пределы совокупности высказываний, то есть задаётся рамками лингвистики. Структура рассуждения определяется на других основаниях, скорее логических, чем лингвистических. Например, в составе рассуждения-доказательства могут выделяться такие компоненты, как тезис, аргумент, пример, вывод. Указанная схема получила полную реализацию в следующем высказывании Остапа Бендера: *...экономия вас погубит... [тезис]. Воздержание – вещь опасная! [аргумент]. Знакомая мне учительница французского языка Эрнестина Иосифовна Пуанкаре никогда в жизни не пила вина. И что же! На одной вечеринке её угостили рюмкой коньяку. Это ей так понравилось, что она выпила целую бутылку и тут же, за ужином, сошла с ума. И на свете стало меньше одной учительницей французского языка [пример]. То же может произойти и с вами [вывод] [26, с. 256–257].* Несобственно языковая база членения рассуждения свидетельствует о том, что рассмотрение его как специфического образования вполне оправданно. В структурированном пространстве текста подобные фрагменты образуют блоки, организация которых определяется экстралингвистическими ортотипами.

В качестве составных частей рассуждений могут функционировать не только репродуктивные и информативные высказы-

вания, но и единицы генеритивные: афоризмы, сентенции, пословицы, умозаключения, коммуникативная цель которых состоит в обобщении информации, соотношении её с универсальными законами мироустройства. Репродуктивный, информативный и генеритивный регистры формируют структуру монологического текста. В рамках диалогического дискурса выделяются волюнтаристический и реактивный регистры, соответствующие более активной речевой деятельности. Волюнтаристические высказывания (просьба, приказ, совет и др.) побуждают адресата к действию. Им соответствуют иллюзии, которые, по выражению Дж. Серля, «связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [17, с. 397]. Реактивный регистр объединяет высказывания, выражающие эмоциональную или ментальную, осознанную или автоматическую реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию. По нашему мнению, ортологическая регламентация волюнтаристических и реактивных высказываний осуществляется на базе не столько языковых, сколько коммуникативных норм.

Нормативная организация текстовых фрагментов необходима, но недостаточна для продуцирования правильных текстов. В предметном поле ортологии находится также проблема связи коммуникативных блоков. В частности, определяя характер нормативных отношений между зачином, основной частью и заключением, кодификаторы указывают, что связь между данными фрагментами должна быть не только линейной. Целостность произведения невозможна без соотносительности инициального и заключительного блоков: «По нормам построения текста концовка в той или иной мере должна возвращать к началу, в результате чего текст и получает свою завершённость» [6, с. 426].

В концепции Я. М. Колкера особое внимание уделяется дифференциации видов связи между коммуникативными блоками. Исследователем выделены следующие варианты: 1) интердепенденция – каждый из блоков предполагает наличие другого блока того же уровня; 2) детерминация – блок более низкого уровня требует присутствия блока более высокого уровня; 3) констелляция – независимость блоков одного уровня; 4) объединение – блок более высокого уровня суммирует общий смысл предыдущих блоков более низкого уровня. Ни один из правомерно вставленных в текст блоков, по мнению исследователя, не может существовать в пределах данного контекста, если он не детерминирован

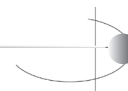
другим блоком либо не связан с соседними фрагментами отношениями интердепенденции или объединения.

Последнее утверждение имеет смысл соотнести с классификацией текстов, предложенной С. И. Гиндиным [4], который считает, что совокупность произведений может быть задана двумя разными и в принципе независимыми способами. Один из них – «жесткий» – предполагает разделение всей потенциальной совокупности субтекстов на конечное число классов и существование схемы (логической, сюжетной и т. п.), которая определяет, как субтексты должны быть расположены относительно друг друга в тексте. При «гибком» способе упор делается не на соответствие набора и порядка субтекстов схеме, внеположной данному тексту, а на такое соотношение блоков, при котором последние сами должны содержать признаки, свидетельствующие об их принадлежности к одному произведению.

Мы считаем, что запрет на введение в текстовую структуру независимых блоков касается именно «гибких» текстов и не всегда распространяется на «жесткие», то есть он не является абсолютным. Так, по наблюдениям Л. А. Месеняшиной [13], в современных организационно-распорядительных документах, кроме реквизитов, предопределяющих существование друг друга (например, реквизит «индекс» требует реквизита «дата»), есть реквизиты, не зависящие от других («гриф ограничения доступа к документу», «отметка об исполнителе» и т. д.). Наличие последних допускается в текстах, которые квалифицируются как нормативные. Правильность текстов в подобных случаях, имея несобственно языковую природу, обеспечивается соблюдением жанровых в нашем понимании норм.

Объемно-прагматическое членение текста связано с выделением томов или книг, частей, глав, абзацев, сверхфразовых единств. Существование крупных единиц типа тома, главы или раздела совершенно очевидно для каждого носителя языка. Принципы выделения указанных образований активно варьируются в различных видах текста в зависимости от авторских интенций и обуславливаются экстралингвистическими факторами.

Реальность абзаца, являющегося текстовым компонентом, границы которого заданы красными строками, также не вызывает сомнений у людей, владеющих письменной речью. Абзацное членение связано с количественными характеристиками человеческого восприятия: С. И. Гиндин пишет о стремле-

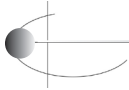
нии избегать абзацев, состоящих из очень малого или, наоборот, слишком большого числа предложений. Исследователь отмечает, что использование красных строк воспринимается коммуникантами как более или менее мотивированное и факультативное, поскольку оно не задаётся жёстко структурой текста. Учитывая указанную особенность норм, определяющих абзацное членение, следует признать, что они предоставляют авторам значительную степень свободы. Поэтому спорным, по нашему мнению, является решение специалистов, отражённое в «Критериях проверки и оценки выполнения задания с развёрнутым ответом» на Едином государственном экзамене по русскому языку. В учебно-методических материалах, адресованных председателям и членам региональных предметных комиссий, указывается, что работа, в которой имеются два случая нарушения абзацного членения, должна оцениваться нулем баллов по критерию К5 – «Смысловая цельность, речевая связность и последовательность изложения» [28]. Фактически это означает, что двукратное несоответствие представлений автора и экс-

перта о том, какое абзацное членение предпочтительно в данном высказывании, позволяет эксперту констатировать полное отсутствие в тексте вышеперечисленных качеств. Мы считаем столь категоричную установку несостоятельной, поскольку она вступает в противоречие с онтологическими характеристиками ортологических феноменов, регламентирующих организацию высказываний на уровне текста.

Сверхфразовые единства (СФЕ), в отличие от других объёмно-прагматических образований, в обыденном метаязыковом сознании отражения не находят. Лингвисты, занимающиеся разработкой данной проблемы, отмечают, что в ряде случаев СФЕ совпадают с абзацами, однако указанное соответствие имеет место далеко не всегда [3; 7]. Отклонения от него являются значимыми (например, разделение одного СФЕ на два абзаца ведёт к экспрессивному выделению части, попадающей во второй абзац). Отношения, обусловленные указанными процессами, имеют объективный характер и определяются тестовыми нормами.

Список литературы

1. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Курс русского языка. Русский язык и культура общения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk/41-kurs_russkogo_yazyka_russkii_yazyk_i_kultura_obscheniya.html (дата обращения: 02.03.2016).
2. Бирюкова Т. Г. Анализ и синтез текста: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/151/56151/27114?p_page=4 (дата обращения: 02.03.2016).
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
4. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. Вып. 4. С. 348–361.
5. Горшкова И. М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 341–358.
6. Завьялова О. Н. Ошибки композиционно-текстовые // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 424–426.
7. Зарубина Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 103–112.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Капинос В. И., Сергеева Н. Н., Соловейчик М. С. Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 класс: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991. 342 с.
10. Коржинек И. К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 317–324.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 686 с.
12. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
13. Месеняшина Л. А. Деловой стиль // Русский язык для делового общения. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 9–73.
14. Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, её содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арга, 1996. С. 7–13.
15. Педагогическое речеведение: словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М.: Флинта: Наука, 1998. Режим доступа: http://ped_recheved.academic.ru (дата обращения: 02.03.2016).
16. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматическое реферирование. М.: Наука, 1969. 135 с.
17. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.

18. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. 264 с.
19. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: Высш. шк., 1991. 184 с.
20. Соловьёва Н. Н. Как составить текст? Стилистические нормы русского литературного языка. М.: Ониск: Мир и Образование, 2009. 160 с.
21. Федосюк М. Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
22. Шварцкопф Б. С. Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 270–281.
23. Шпаковская Е. Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2000. 26 с.

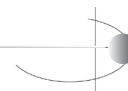
Источники

24. Вечерний Челябинск. 2011. 30 марта.
25. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Ташкент, 1982. 304 с.
26. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. М.: Правда, 1984. 416 с.
27. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худ. лит., 1990. 638 с.
28. Учебно-методические материалы для председателей и членов региональных предметных комиссий по проверке выполнения заданий с развёрнутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2014 года по русскому языку [Электронный ресурс]: в 3 ч. Ч. 1. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий ЕГЭ с развёрнутым ответом. Русский язык / И. П. Цыбулько, В. Н. Александров, И. П. Васильевых [и др.]. М., 2014. Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library> (дата обращения: 02.03.2016).

References

1. Balashova L. V., Dement'ev V. V. Kurs russkogo yazyka. Russkii yazyk i kul'tura obshcheniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk/41-kurs_russkogo_yazyka_russkii_yazyk_i_kultura_obscheniya.html (data obrashcheniya: 02.03.2016).
2. Biryukova T. G. Analiz i sintez teksta: ucheb. posobie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/151/56151/27114?p_page=4 (data obrashcheniya: 02.03.2016).
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 138 s.
4. Gindin S. I. Sovetskaya lingvistika teksta. Nekotorye problemy i rezul'taty (1948–1975) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1977. T. 36. Vyp. 4. S. 348–361.
5. Gorshkova I. M. Diskussionnye voprosy organizatsii teksta v chekhoslovatskoi lingvistike // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1979. S. 341–358.
6. Zav'yalova O. N. Oshibki kompozitsionno-tekstovye // Kul'tura russkoi rechi: entsikl. slov.-sprav. / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva [i dr.]. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 424–426.
7. Zarubina N. D. K voprosu o lingvisticheskikh edinitсах teksta // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1979. S. 103–112.
8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M.: Izd-vo MGU, 1998. 528 s.
9. Kapinos V. I., Sergeeva N. N., Soloveichik M. S. Razvitie rechi: teoriya i praktika obucheniya: 5–7 klass: kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1991. 342 s.
10. Korzhinek I. K voprosu o yazyke i rechi // Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sb. st. M.: Progress, 1967. S. 317–324.
11. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsikl., 1990. 686 s.
12. Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. M.: Prosveshchenie, 1988. 352 s.
13. Mesenyashina L. A. Delovoi stil' // Russkii yazyk dlya delovogo obshcheniya. Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 1996. S. 9–73.
14. Murzin L. N. O lingvokul'turologii, ee soderzhanii i metodakh // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoi kul'tury. Ekaterinburg: Argo, 1996. S. 7–13.
15. Pedagogicheskoe rechevedenie: slovar'-spravochnik [Elektronnyi resurs] / pod red. T. A. Ladyzhenskoi i A. K. Mikhal'skoi. M.: Flinta: Nauka, 1998. Rezhim dostupa: http://ped_recheved.academic.ru (data obrashcheniya: 02.03.2016).
16. Sevbo I. P. Struktura svyaznogo teksta i avtomaticheskoe referirovanie. M.: Nauka, 1969. 135 s.
17. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M.: Progress, 1986. Vyp. 17. S. 170–194.
18. Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoi kommunikatsii). M.: Nauka, 1976. 264 s.
19. Solganik G. Ya. Sintaksicheskaya stilistika. M.: Vyssh. shk., 1991. 184 s.
20. Solov'eva N. N. Kak sostavit' tekst? Stilisticheskie normy russkogo literaturnogo yazyka. M.: Oniks: Mir i Obrazovanie, 2009. 160 s.

21. Fedosyuk M. Yu. Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov // Vopr. yazykozvaniya. 1997. № 5. S. 102–120.
22. Shvartskopf B. S. Ofitsial'no-delovoi yazyk // Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniya. M.: Nauka, 1996. S. 270–281.
23. Shpakovskaya E. E. Normativnyi aspekt nauchno-uchebnogo yuridicheskogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Chelyabinsk, 2000. 26 s.

Istochniki

24. Vechernii Chelyabinsk. 2011. 30 marta.
25. Il'f I., Petrov E. Dvenadtsat' stol'ev. Tashkent, 1982. 304 s.
26. Il'f I., Petrov E. Zolotoi telenok. M.: Pravda, 1984. 416 s.
27. Mandel'shtam O. E. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya. M.: Khud. lit., 1990. 638 s.
28. Uchebno-metodicheskie materialy dlya predsedatelei i chlenov regional'nykh predmetnykh komissii po proverke vypolneniya zadaniy s razvernutyim otvetom ekzamenatsionnykh rabot EGE 2014 goda po russkomu yazyku [Elektronnyi resurs]: v 3 ch. Ch. 1. Metodicheskie rekomendatsii po otsenivaniyu vypolneniya zadaniy EGE s razvernutyim otvetom. Russkii yazyk / I. P. Tsybul'ko, V. N. Aleksandrov, I. P. Vasil'evykh [i dr.]. M., 2014. Rezhim dostupa: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library> (data obrashcheniya: 02.03.2016).

Библиографическое описание статьи

Хакимова Е. М. Текстовая норма как ортологический тип // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 31–39. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39.

Reference to article

Khakimova E. M. Textual Norm as an Orthological Type // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 31–39. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-31-39.

Статья поступила в редакцию 06.03.2016